

РОЛЬ РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕГУЛИРОВАНИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ДЕМИДОВА ОКСАНА ВАСИЛЬЕВНА

ФКОУ ВПО «Воронежский институт ФСИН России»,
г. Воронеж, Российская Федерация, e-mail: oks-dem.78@mail.ru

Научная статья посвящена изучению значения решений Конституционного Суда Российской Федерации в регулировании уголовно-исполнительных отношений. Формулируются признаки, позволяющие относить их к нормативно-правовым актам. Раскрываются направления систематизации решений Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам исполнения уголовных наказаний. Автор обосновывает утверждение о том, что судебные акты органов конституционного контроля оказывают существенное влияние на развитие системы источников уголовно-исполнительного права России. По результатам исследования автор приходит к следующим выводам, отраженным в работе: во-первых, характерной особенностью современного эволюционирования системы источников уголовно-исполнительного права является институционализация дискуссионных источников; во-вторых, интеграционные процессы, обусловленные глобализацией, приводят к сближению правовых систем, что, в конечном счете, приводит к изменению круга источников права и их значения в англосаксонской и романо-германской правовых семьях, а также к изменению места и роли судебных органов в правотворческом процессе; в-третьих, влияние глобализации на деятельность судов связано с включением судебных органов в правотворческий процесс в странах романо-германской правовой семьи; в-четвертых, расширение контактов с пенитенциарными системами иностранных государств, международными неправительственными организациями, научно-исследовательскими, образовательными и научными центрами Организации Объединенных Наций, Совета Европы, Европейского союза, государств – участников Содружества Независимых Государств и стран дальнего зарубежья предполагает переосмысление разработанных ранее подходов к пониманию системы источников уголовно-исполнительного права России.

Ключевые слова: источники уголовно-исполнительного права, правовые позиции Конституционного Суда России, уголовно-исполнительные отношения, форма права.

Изучая проблему признания решений Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ) источниками права, следует отметить, что среди ученых по данному вопросу высказывались неоднозначные суждения. Но в настоящее время, безусловно, можно указать немало сторонников позиции признания решения КС РФ источником права [1].

Нами ранее исследовались свойства решений КС РФ, и мы пришли к выводу, что можно констатировать следующие юридические особенности названных решений, позволяющие относить их к нормативным правовым актам: отражают государственную волю; принимаются особым субъектом в пределах компетенции с соблюдением установленной процедуры; имеют нормативный характер; обязательны к исполнению, окончательны и действуют непосредственно; за неисполнение, ненадлежащее исполнение либо вос-

препятствование исполнению решения КС РФ предусмотрена юридическая ответственность.

Как правило, КС РФ признает оспариваемые положения конституционными или неконституционными в части, выделяя тем самым дефектный аспект их действия. Такие решения, по сути, сводятся к особому конституционно-правовому истолкованию КС РФ проверенных им положений, не требуя обязательной их отмены правотворческими органами. Подобных решений, среди касающихся уголовно-исполнительных отношений, подавляющее большинство. В любом случае признание КС РФ неконституционного понимания уголовно-исполнительной нормы означает невозможность применения такой интерпретации в будущем и обязанность уполномоченных органов применять (исполнять) данную норму в соответствии с ее конституционно-правовым смыслом, выявленным КС РФ.

Решения, содержащие правовые позиции КС РФ по вопросам, связанным с регулированием уголовно-исполнительных отношений, могут быть систематизированы по следующим направлениям:

1. Освобождение от отбывания наказания и изменение вида исправительного учреждения.

В рассматриваемой группе интерес представляет Постановление КС РФ от 26 ноября 2002 г. № 16-п «По делу о проверке конституционности положений статей 77.1, 77.2, частей первой и десятой статьи 175 УИК РФ и статьи 363 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина А. А. Кизимова». КС РФ установил, что в своей жалобе гражданин А. А. Кизимов оспаривал конституционность положений ст. 77.1 и 77.2 УИК РФ, предусматривающих случаи, когда осужденный к лишению свободы может быть оставлен в следственном изоляторе либо переведен в следственный изолятор из иного исправительного учреждения, а также частей первой и десятой статьи 175 УИК РФ, наделяющих полномочием обращаться к суду с представлением об условно-досрочном освобождении осужденного от отбывания наказания администрацию исправительного учреждения, и статьи 363 УПК РСФСР, закрепляющей полномочие суда выносить в связи с данным представлением соответствующее решение.

По мнению заявителя, оспариваемые нормы, как не наделяющие администрацию следственного изолятора полномочием представлять осужденного, содержащегося в следственном изоляторе, к условно-досрочному освобождению и не позволяющие самому осужденному, содержащемуся в следственном изоляторе, инициировать рассмотрение судом этого вопроса, нарушают его конституционные права, гарантированные статьями 21 (часть 1), 45 (часть 2), 46 (часть 1) и 50 (часть 3) Конституции РФ. В соответствии с действующей в то время редакцией Уголовно-исполнительного Кодекса РФ (далее – УИК РФ) полномочием представлять осужденного к условно-досрочному освобождению при наличии к тому оснований наделялась администрация учреждения или органа, исполняющего наказание (ч. 1, ст. 175). Отсутствие в названной норме указания на право самого осужденного обратиться непосредственно в суд с просьбой об условно-досрочном освобождении от наказания не означало, по мнению КС РФ, что он этого права лишен. Данное право вытекает из Конституции Российской Федерации, ее статьи 50 (часть 3), закрепляющей право каждого осужденного просить о смягчении назначенного ему наказания, статьи 45

(часть 2), согласно которой каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, и статьи 46 (часть 1), гарантирующей каждому судебную защиту его прав и свобод, а также из общих норм уголовно-исполнительного законодательства, определяющих основы правового положения осужденных. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 10 УИК РФ при исполнении наказаний осужденным гарантируются права и свободы граждан Российской Федерации с изъятиями и ограничениями, установленными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством Российской Федерации. Применительно к правам, закрепленным в статьях 45, 46 и 50 Конституции Российской Федерации, законодательство таких изъятий и ограничений не содержит, а, напротив, прямо предусматривает право осужденных обращаться с предложениями, заявлениями и жалобами по вопросам, касающимся их прав и законных интересов, как к администрации учреждения или органа, исполняющего наказание, в вышестоящие органы управления учреждениями и органами, исполняющими наказания, органы прокуратуры, так и непосредственно в суд, а также в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека (ч. 4 ст. 12, ч. 1, 6 ст. 15 УИК РФ).

Закрепленные в указанных нормативных положениях права в равной мере гарантируются всем осужденным, в том числе тем, которые на основании статьи 77.2 УИК РФ в связи с привлечением к уголовной ответственности по другому делу содержатся в следственном изоляторе. В силу статьи 18 Конституции РФ они являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти и обеспечиваются правосудием.

Истолкование положений статьи 77.2 и части первой статьи 175 УИК РФ как исключаящих возможность обращения осужденного, содержащегося в следственном изоляторе в связи с обвинением в совершении другого преступления, к суду с просьбой об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, и тем самым признающих уже сам факт привлечения лица к уголовной ответственности причиной, влекущей для него негативные уголовно-правовые последствия, не согласуется с названными конституционными требованиями.

Таким образом, положения статьи 77.2 и части первой статьи 175 УИК РФ – с учетом их конституционного смысла, выявленного в Постановлении, – не противоречат Конституции Российской Федерации.

ской Федерации.

Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 161-ФЗ изменена редакция ч. 1 ст. 175 УИК РФ, в которой предусмотрено право осужденного, к которому может быть применено условно-досрочное освобождение, а также его адвоката (законного представителя), обратиться в суд с ходатайством об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания.

К проверке положений ст. 175 УИК РФ КС РФ вернулся в 2005 г. при рассмотрении жалобы А. Ю. Елисеева, который оспаривал конституционность п. 2 и 5 ст. 399 УПК РФ, где определяется круг связанных с исполнением приговора вопросов, разрешаемых по ходатайству осужденного и по представлению учреждения или органа, исполняющего наказание, и ч. 3 ст. 175 УИК РФ, регламентирующей содержание представления о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания. По мнению заявителя, эти нормы, не предоставляющие осужденному, отбывающему наказание, право обратиться в суд с ходатайством о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, нарушают его права, гарантированные ч. 1 ст. 46 и ч. 3 ст. 50 Конституции РФ.

В Определении КС РФ от 20 октября 2005 г. № 388-О [2] указал, что Постановление от 26 ноября 2002 г. № 16-П сохраняет силу, а значит, оспариваемые А.Ю. Елисеевым нормы не могут истолковываться и применяться вопреки выраженной в нем правовой позиции, и положения п. 2 и 5 ч. 1 ст. 399 УПК РФ и ч. 3 ст. 175 УИК РФ в их конституционно-правовом истолковании, вытекающем из Постановления от 26 ноября 2002 г. № 16-П, не препятствуют осужденному обращаться в суд с ходатайством о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания и предполагают обязанность суда рассмотреть такое ходатайство по существу в установленном законом порядке.

Федеральным законом от 01 декабря 2012 № 208-ФЗ изменена редакция ч. 3 ст. 175 УИК РФ, в которой предусмотрено право осужденного, которому неотбытая часть наказания может быть заменена более мягким видом наказания, а также его адвоката (законного представителя), обратиться в суд с ходатайством о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

Выраженная в Постановлении КС РФ от 26 ноября 2002 г. № 16-П правовая позиция в полной мере распространяется и на правоотношения, возникающие в связи с решением вопросов, связанных с применением такой формы смягчения участи осужденного, как изменение ему вида испра-

вительного учреждения, назначенного по приговору суда.

В Определении от 18 апреля 2006 г. № 124-О указано, что гражданин В.В. Воронин в своей жалобе просил признать не соответствующей статьям 2, 17 (части 1 и 2), 46 (часть 1) и 50 (часть 3) Конституции РФ норму п. «в» ч. 2 ст. 78 УИК РФ, согласно которой положительно характеризующиеся осужденные, находящиеся в облегченных условиях содержания, могут быть переведены для дальнейшего отбывания наказания из исправительной колонии общего режима в колонию-поселение по отбытии ими не менее одной четверти срока наказания.

По мнению заявителя, указание законодателя на возможность изменения осужденному вида исправительного учреждения лишь в случае его нахождения в облегченных условиях содержания является необоснованным и непреодолимым препятствием для улучшения положения осужденных, находящихся в следственных изоляторах и не имеющих возможности быть переведенными в облегченные условия содержания.

В соответствии со статьей 50 (часть 3) Конституции РФ каждый осужденный за преступление имеет право на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом, а также право просить о помиловании или смягчении наказания.

Рассматривая вопрос о законодательных гарантиях реализации данной конституционной нормы, КС РФ сослался на Постановление от 26 ноября 2002 г. № 16-П по делу о проверке конституционности положений статей 77.1, 77.2, частей первой и десятой статьи 175 УИК РФ и статьи 363 УПК РСФСР. Он указал, что право осужденного за преступление просить о смягчении наказания является непосредственным выражением конституционных принципов уважения достоинства личности, гуманизма, справедливости и законности. Исходя из того, что данное право, гарантирующее осужденному возможность смягчения его участи вплоть до полного снятия всех ограничений в правах и свободах, которые установлены для него обвинительным приговором, принадлежит каждому осужденному независимо от того, за совершение какого преступления он был осужден, какое наказание ему назначено и каковы условия его исполнения, КС РФ признал не соответствующим Конституции РФ лишение осужденного, находящегося в связи с привлечением к уголовной ответственности по другому делу в следственном изоляторе, а не в исправительном учреждении, права обращаться непосредственно в суд

с ходатайством об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания.

Указанное решение КС РФ сохраняет свою силу и применимо к решению вопроса о возможности смягчения наказания путем изменения вида исправительного учреждения по ходатайству осужденного, находящегося в следственном изоляторе в связи с участием в производстве следственных действий или судебном разбирательстве по другому уголовному делу. Исходя из этих правовых позиций такому осужденному должно быть обеспечено право обратиться в суд с ходатайством об изменении вида исправительного учреждения, а на суд возлагается обязанность рассмотреть такое ходатайство по существу в установленном законом порядке.

2. Правовой статус осужденных и лиц, содержащихся под стражей.

а) право на получение юридической помощи осужденным.

В Постановлении от 26 декабря 2003 г. № 20-П указывается, что предметом рассмотрения КС РФ являлись положения ч.1 и п. «г» ч. 2 ст. 118 УИК РФ, которыми устанавливаются ограничения права осужденных, водворенных в штрафной изолятор или переведенных в помещение камерного типа, на свидания, во взаимосвязи с положениями статьи 89 данного Кодекса, регламентирующими предоставление осужденным, отбывающим наказание в виде лишения свободы, свиданий с адвокатами и иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи.

Как указал КС РФ, конституционные положения о праве на получение квалифицированной юридической помощи применительно к осужденным, отбывающим наказание в виде лишения свободы, конкретизированы в ч. 4 ст. 89 УИК РФ, которая связывает предоставление свиданий с адвокатами и иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи осужденным, только с подачей осужденным соответствующего заявления. Каких-либо дополнительных ограничений предоставления осужденному свиданий с адвокатом закон не предусматривает, из чего следует, что администрация не вправе отказать в удовлетворении заявления осужденного о свидании с приглашенным им адвокатом.

Не вытекает право администрации учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, отказать осужденному в свидании с адвокатом и из рассматриваемых положений ст. 118 УИК РФ, содержащих запрет на свидания для осужденных, водворенных в штрафной изолятор (ч. 1), и ограничение количества свиданий для

осужденных, переведенных в единое помещение камерного типа, помещение камерного типа или одиночную камеру (п. «г» ч. 2). Названные положения устанавливают особые условия содержания осужденных к лишению свободы в штрафных изоляторах, помещениях камерного типа, единых помещениях камерного типа, одиночных камерах и не содержат каких-либо предписаний, регламентирующих получение осужденным юридической помощи, в том числе предоставление ему свиданий с приглашенным адвокатом, и, следовательно, не могут расцениваться как затрагивающие право на квалифицированную юридическую помощь.

КС РФ пояснил, что в норме статьи 89 УИК РФ различаются, с одной стороны, свидания, которые предоставляются им в целях сохранения социально-полезных связей с родственниками и иными лицами, и с другой – свидания с адвокатами и иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи, в целях реализации осужденными конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи. Поэтому, учитывая различия в правовой природе и сущности этих видов свиданий, законодатель по-разному подходит к их регламентации исходя из того, что, если режим свиданий осужденного с родственниками и иными лицами предполагает нормативную определенность в части, касающейся продолжительности, частоты, порядка их предоставления и проведения, а также возможных ограничений, то правовой режим свиданий с адвокатами, как обеспечиваемый непосредственным действием права, закрепленного в статье 48 (ч. 1 и 2) Конституции РФ, не требует подобного урегулирования.

Таким образом, по мнению КС РФ, положения ч. 1 и п. «г» ч. 2 ст. 118 УИК РФ – по их конституционно-правовому смыслу в системе норм – не могут расцениваться как допускающие возможность ограничения права осужденного, переведенного в период отбывания наказания в виде лишения свободы в штрафной изолятор или помещение камерного типа, на свидания с адвокатом или иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи.

б) право лиц, содержащихся под стражей, на переписку.

В рассматриваемой группе решений КС РФ представляет интерес Постановление от 29 ноября 2010 года № 20-П.

По мнению заявителей Д. Р. Барановского, Ю. Н. Волохонского и И. В. Плотникова, положения статьи 20 и 21 Федерального закона от 15

июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», позволяя администрации места содержания под стражей подвергать цензуре переписку обвиняемого в совершении преступления со свободно избранным им адвокатом (защитником), ограничивают права, гарантированные статьями 46 и 48 Конституции РФ, поскольку лишают обвиняемого возможности получить квалифицированную юридическую помощь, а защитника – предоставить таковую, и противоречат статьям 6 и 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в их понимании Европейским судом по правам человека.

Кроме того, установленный оспариваемыми законоположениями порядок переписки между обвиняемым и адвокатом (защитником) является, по мнению заявителей, дискриминационным по сравнению с порядком переписки обвиняемого с судом, прокурором, иными органами государственной власти, приводит к нарушению гарантированных статьей 23 Конституции РФ права на тайну переписки и права на тайну частной жизни, а также представляет собой неправомерное отступление от общепризнанных принципов и норм международного права, являющихся составной частью правовой системы Российской Федерации, и тем самым противоречит статьям 15 и 17 Конституции РФ.

В Постановлении от 29 ноября 2010 г. № 20-П КС РФ отметил, что право заключенного под стражу лица на конфиденциальный характер отношений со своим адвокатом (защитником) как неотъемлемая часть права на получение квалифицированной юридической помощи не является абсолютным. Его ограничения допустимы при условии их адекватности и соразмерности и могут быть оправданы лишь необходимостью обеспечения указанных в статье 55 (часть 3) Конституции РФ целей защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

КС РФ пояснил, что вмешательство государства в конфиденциальный характер отношений, которые складываются в процессе получения подозреваемыми и обвиняемыми профессиональной юридической помощи адвоката (защитника), не должно быть произвольным и нарушать равновесие между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты основных прав личности, что предполагает разумную соразмерность между используемыми средствами и преследуемой целью, с тем чтобы обеспечивался ба-

ланс конституционно защищаемых ценностей.

КС РФ считает, что ограничения конфиденциальности отношений подозреваемого и обвиняемого, заключенного под стражу, и его адвоката – при наличии соответствующих достаточных оснований – могут рассматриваться в качестве допустимых и выражаться, в частности, в контроле за их перепиской со стороны администрации места содержания под стражей, лиц или органов, в производстве которых находится уголовное дело.

Цензура может осуществляться для предотвращения преступлений, разглашения государственной или иной охраняемой законом тайны, передачи сведений, могущих помешать установлению истины по уголовному делу или способствовать совершению преступления, выполненных тайнописью, шифром, недопущение угроз свидетелю, другим участникам уголовного судопроизводства, уничтожения доказательств, воспрепятствования иным путем производству по уголовному делу.

Таким образом, КС РФ постановил признать взаимосвязанные положения статей 20 и 21 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», регулирующие осуществление администрацией места содержания под стражей цензуры переписки подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, со своими адвокатами (защитниками), не противоречащими Конституции РФ, поскольку, по конституционно-правовому смыслу этих законоположений в системе действующего правового регулирования, цензура переписки лица, заключенного под стражу, со своим адвокатом (защитником) возможна лишь в случаях, когда у администрации следственного изолятора есть разумные основания предполагать наличие в переписке недозволенных вложений (что проверяется только в присутствии самого этого лица) либо имеется обоснованное подозрение в том, что адвокат злоупотребляет своей привилегией на адвокатскую тайну, что такая переписка ставит под угрозу безопасность следственного изолятора или носит какой-либо иной противоправный характер; в таких случаях администрация следственного изолятора обязана принять мотивированное решение об осуществлении цензуры и письменно зафиксировать ход и результаты соответствующих действий.

3. Особенности исполнения наказания в виде лишения свободы в исправительных учреждениях разных видов.

В Постановлении КС РФ от 27 февраля 2003 г. № 1-П указано, что граждане П. Л. Верещак,

В. М. Гладков, И. В. Голышев и К. П. Данилов оспаривали конституционность положения ч. 1 ст. 130 УИК РФ, в силу которого осужденному к лишению свободы время, проведенное в следственном изоляторе, не засчитывается в срок тюремного заключения, фактически удлинняет назначенный по приговору суда срок для отбывания в тюрьме, чем нарушаются их права, гарантированные статьями 2,6 (ч. 2), 15, 17, 18, 19, 21, 54 и 55 Конституции РФ.

КС РФ установил, что рассматриваемое положение ч.1 ст. 130 УИК РФ, по своей природе относящееся к уголовно-исполнительному законодательству, не может подменять или изменять соответствующие положения уголовного законодательства, регулирующие виды и размер наказаний, в том числе сроки, назначаемые по приговору суда для отбывания в тюрьме.

По смыслу положений ст. 130 УИК РФ во взаимосвязи с положениями ст. 72 УК РФ, время содержания под стражей в качестве меры пресечения во всяком случае подлежит зачету при определении общего срока назначенного судом наказания, а также при исчислении срока отбытого наказания, позволяющего применить условно-досрочное освобождение от наказания.

Придание рассматриваемому положению ч.1 ст. 130 УИК РФ смысла, исключающего правомочие суда засчитывать время нахождения в следственном изоляторе в срок тюремного заключения, означало бы, что вопрос об исчислении срока наказания, подлежащего отбыванию в тюрьме, и, соответственно, – об исчислении оставшегося срока наказания в виде лишения свободы, подлежащего отбыванию в других исправительных учреждениях), фактически решался бы органами исполнения наказания, которые тем самым получали бы возможность вторгаться в базовые элементы приговора, что недопустимо в силу ст. 49 Конституции РФ и конкретизирующих ее положений уголовного законодательства, согласно которым виновность лица в совершении преступления и обусловленное этим наказание могут быть установлены только приговором суда (ст. 43 и ч. 3 ст. 58 УК РФ).

Таким образом, положение ч. 1 ст. 130 УИК РФ, согласно которому срок лишения свободы, назначенный по приговору суда для отбывания в тюрьме, исчисляется со дня прибытия осужденного в тюрьму, в его конституционно-правовом смысле – исходя из его места в правовой системе Российской Федерации, в том числе во взаимосвязи с положениями статей 46, 49 и 50 Конституции Российской Федерации, а также со ст. 3, ч. 2 ст. 58 и ч.3 ст. 72 УК РФ, п. 7 ст. 98, ст. 108, ч. 7 ст. 302, п. 9 и 10 ч.1 ст. 308 УПК РФ, ч. 2 ст. 1, ч.2

ст. 2 и ст. 7 УИК РФ, – не исключает правомочие суда засчитывать осужденному к лишению свободы в срок наказания, в том числе в ту его часть, которая в соответствии с приговором подлежит отбыванию в тюрьме, время, в течение которого к нему применялась мера пресечения в виде заключения под стражу [3].

При введении Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 161-ФЗ в ст. 78 УИК РФ ч. 2.1, согласно которой срок отбывания наказания, определяемый для изменения вида исправительного учреждения, исчисляется со дня заключения осужденного под стражу, было учтено Постановление КС РФ от 27 февраля 2003 г. № 1-П.

Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 161-ФЗ была дополнена и ч. 1 ст. 130 УИК РФ следующим положением: «Если в период пребывания в следственном изоляторе к осужденному не применялась мера взыскания в виде водворения в карцер, срок его нахождения на строгом режиме исчисляется со дня заключения под стражу». Таким образом, зачет осужденному к лишению свободы в срок наказания, в том числе и ту его часть, которая в соответствии с приговором подлежит отбыванию в тюрьме, времени, в течение которого к нему применялась мера пресечения в виде заключения под стражу, поставлен под условие не применения к нему в этот период времени меры взыскания в виде водворения в карцер. В соответствии со ст. 39 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» взыскание в виде водворения в карцер налагается начальником места содержания под стражей или его заместителем, что по существу означает, что вопрос об исчислении срока наказания, подлежащего отбыванию в тюрьме, фактически решается органами исполнения наказания, тогда как виновность лица в совершении преступления и обусловленное этим наказание могут быть установлены только приговором суда (ст. 43 УК РФ). Такое изложение ч. 1 ст. 130 УИК РФ расходится с правовой позицией КС РФ, выраженной им в Постановлении от 27 февраля 2003 г. № 1-П, и поэтому данное положение следует изложить следующим образом: «Срок нахождения осужденного на строгом режиме исчисляется со дня заключения под стражу».

В Определении от 21 декабря 2004 г. № 466-О по жалобе Герасимова А. В. на нарушение его конституционных прав ч. 3 ст. 127 УИК РФ, которая, по мнению заявителя, не предусматривая возможность зачета времени, проведенного осужденным в следственном изоляторе, в срок отбы-

вания в строгих условиях содержания в исправительной колонии особого режима, препятствует его переводу на более легкие условия содержания, КС РФ сослался на Постановление от 27 февраля 2003 г. и правовую позицию, выработанную им при проверке ч. 1 ст. 130 УИК РФ.

КС РФ указал, что время содержания под стражей в качестве меры пресечения во всяком случае подлежит зачету при определении общего срока назначенного судом наказания, а также при исчислении срока отбытого наказания, позволяющего применить условно-досрочное освобождение от наказания. Такой подход, как отметил КС РФ, соответствует международным стандартам, согласно которым предварительное заключение не должно применяться, если предполагаемому правонарушителю не соответствует наказание в виде лишения свободы, а при вынесении приговора срок, проведенный в предварительном заключении, следует или засчитывать в установленный приговором срок наказания, или принимать во внимание с целью сокращения срока наказания.

В силу приведенной правовой позиции ч. 3 ст. 127 УИК РФ также не может быть истолкована как исключаящая зачет осужденному к лишению свободы в срок наказания, в том числе в ту его часть, которая в соответствии с установленным законом порядком подлежит отбыванию в строгих условиях, времени, в течение которого к нему применялась мера пресечения в виде заключения под стражу [4].

Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 161-ФЗ дополнил ч. 3 ст. 127 УИК РФ указанием на то, что срок нахождения осужденного в строгих условиях отбывания наказания исчисляется со дня заключения под стражу, если в период его пребывания в следственном изоляторе к нему не применялась мера взыскания в виде водворения в карцер. По основаниям изложенным выше данное условие (водворение в карцер) для исчисления срока нахождения в строгих условиях отбывания наказания со дня заключения под стражу подлежит исключению. Норму следует изложить следующим образом: «Срок нахождения осужденного в строгих условиях отбывания наказания исчисляется со дня заключения под стражу».

4. Правовое регулирование режима в исправительных учреждениях.

По жалобе И. П. Кирюхиной, которая являлась адвокатом, прибывшим в исправительную колонию для оказания юридической помощи осужденному была подвергнута личному досмотру, в ходе которого ей пришлось раздеться до по-

яса, были проверены на соответствие Конституции РФ ч. 6 ст. 82 УИК РФ и п. 6 ст. 14 Закона РФ от 12 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», которыми администрации исправительных учреждений предоставляется право проводить досмотры на их территории и на прилегающих к ним территориях, на которых установлены режимные требования, лиц, их вещей, транспортных средств, а также изымать запрещенные вещи и документы, перечень которых устанавливается законодательством РФ и Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений.

По мнению заявительницы, данные нормативные положения, предоставляющие администрации исправительного учреждения право производить личный досмотр находящихся на территории исправительного учреждения адвокатов, осуществляющих свои профессиональные обязанности по оказанию юридической помощи осужденным, противоречат ч. 1 ст. 1, ч. 1 ст. 15, ч. 3 ст. 17, ст. 18, 48, 53, 71 (пункт «в»), и 72 (пункт «б» части 1) Конституции РФ, а также статьям 7 и 8 Всеобщей конвенции по правам человека и статье 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

КС РФ указал, что на необходимость установления государством дополнительных гарантий надлежащего осуществления адвокатом его профессиональной деятельности, направленных на защиту личности адвоката, а также нематериальных благ, таких как честь, достоинство, деловая репутация, указывается в Основных положениях о роли адвоката, согласно которым, в частности, адвокату должна быть обеспечена возможность исполнять профессиональные обязанности без запугивания, препятствий, беспокойства и неуместного вмешательства (пункт 16). Аналогичные требования содержатся в Основных принципах, касающихся роли юристов (приняты Восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, проходившим в августе – сентябре 1990 г. в Гаване). Согласно Рекомендациям Комитета Министров Совета Европы о свободе осуществления профессии адвоката от 25 октября 2000 г. № R (2000) 21 государствам следует принять все возможные меры для того, чтобы уважалась, защищалась и поощрялась свобода осуществления профессии адвоката без дискриминации и неправомерного вмешательства органов власти или общественности в свете соответствующих положений Конвенции о защите прав человека и ос-

новных свобод; адвокаты не должны опасаться возможности применения в отношении них каких-либо санкций или подвергаться давлению, когда они действуют в соответствии со своими профессиональными обязанностями.

Поскольку ч. 6 ст. 82 УИК РФ и п. 6 ст. 14 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» закрепляют общие режимные требования, обусловленные спецификой деятельности органов уголовно-исполнительной системы, указанные законоположения позволяют администрации исправительного учреждения принять решение о проведении личного досмотра и в отношении адвоката. Однако такое решение – исходя из повышенных гарантий защиты статуса адвоката – может иметь место, только если администрация исправительного учреждения располагает данными, позволяющими полагать наличие у него запрещенных к проносу на территорию исправительного учреждения предметов. При этом, как указал КС РФ, необходимость личного досмотра должна быть подтверждена указанием как на правовые, так и на фактические основания его проведения, а ход и результаты – письменно фиксироваться, с тем, чтобы лицу, в отношении которого проводится личный досмотр, была обеспечена возможность судебной проверки законности и обоснованности соответствующих действий.

КС РФ в Определении от 6 марта 2008 г. № 428-О-П пришел к выводу о том, что оспариваемые законоположения не могут рассматриваться как допускающие произвольное проведение личного досмотра адвоката, осуществляющего юридическую помощь осужденному к лишению свободы, – без достаточных фактических оснований, свидетельствующих о его намерении пронести на территорию исправительного учреждения запрещенные предметы, и без принятия администрацией исправительного учреждения мотивированного решения о проведении личного досмотра и письменной фиксации хода и результата соответствующих действий. Конституционно-правовой смысл указанных законоположений, выявленный КС РФ в названном определении на основе правовых позиций, сформулированных им в сохраняющих свою силу решениях, является общеобязательным и исключает любое иное их толкование в правоприменительной практике [5]. Основываясь на мнении ведущих ученых, ранее изученных признаках решений Конституционного Суда РФ, на рассмотренном правовом опыте реализации решений Конституционного Суда РФ в сфере уголовно-исполнительного регулирования, мы считаем, что

решения Конституционного Суда РФ можно по праву признать источниками уголовно-исполнительного права.

Литература

1. Бондарь С. Н. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного суда РФ как источников права. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.03.2015)
2. Определение КС РФ по жалобе гражданина Елисеева Алексея Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктами 2 и 5 части первой статьи 399 УПК РФ и частью третьей статьи 175 УИК РФ от 20 октября 2005 г. № 388-О // Вестник КС РФ. 2006. № 2.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.02.2003 № 1-П «По делу о проверки конституционности положения части первой статьи 130 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П. Л. Верещака, В. М. Гладкова, И. В. Голышева и К. П. Данилова» // Российская газета. 2003. 2 марта.
4. Определение КС РФ по жалобе гражданина Герасимова Андрея Валентиновича о нарушении его конституционных прав частью 3 статьи 127 УИК РФ, статьями 57 и 59 УК РФ и Указом Президента РФ от 7 декабря 1998 г. о его помиловании от 21 декабря 2004 г. № 466 - О // Вестник КС РФ. 2005. № 3.
5. Определение КС РФ по жалобе гражданки Кирюхиной Ирины Петровны на нарушение ее конституционных прав частью 6 статьи 82 УИК РФ и пунктом 6 статьи 14 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» от 6 марта 2008 г. № 428-О-П // Вестник КС РФ. 2008. № 5.

References

1. Bondar' S. N. Normativno-doktrinal'naya priroda reshenij Konstitutsionnogo suda RF kak istochnikov prava [Standard and doctrinal nature of decisions of the Constitutional court of the Russian Federation as right sources]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 29.03.2015)
2. Opredeleniye KS RF po zhalobe grazhdanina Eliseeva Aleksey Yur'yevicha na narusheniye yego konstitutsionnykh prav punktami 2 i 5 chasti pervoj stat'i 399 UPK RF i chast'yu tret'ej stat'i 175 UIK RF ot 20 oktyabrya 2005 g. № 388-O [Definition of Constitutional Court of the Russian Federation according to the complaint of the citizen Yeliseyev Alexey Yuryevich to violation of his constitutional rights by points 2 and 5 of part one of article 399 Criminal Procedure Code of the Russian Federation and part of the third article 175 Correctional Code of the Russian Federation, October 20, 2005 № 388-O] // Vestnik KS RF. 2006. № 2.
3. Postanovleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 27.02.2003 № 1-P «Po delu o proverki konstitutsionnosti polozheniya chasti pervoj stat'i 130 Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossijskoj Federatsii v svyazi s

zhalobami grazhdan P. L. Vereshchaka, V. M. Gladkova, I. V. Golysheva i K. P. Danilova [The resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 27.02.2003 № 1-P On the case of check of constitutionality of provision of part one of article 130 of the Criminal and Executive code of the Russian Federation in connection with complaints of citizens P. L. Vereshchak, V. M. Gladkov, I. V. Golyshev and K. P. Danilov] // Rossijskaya gazeta. 2003. 2 marta.

4. Opredeleye KS RF po zhalobe grazhdanina Gerasimova Andrey Valentinovicha o narushenii yego konstitutsionnykh prav chast'yu 3 stat'i 127 UIK RF, stat'yami 57 i 59 UK RF i Ukazom Prezidenta RF ot 7 dekabrya 1998 g. o yego pomilovanii ot 21 dekabrya 2004 g. № 466 - O [Definition of Constitutional Court of the Russian Federation according to the complaint of the citizen Gerasimov Andrey Valentinovich about violation of his constitutional rights by part 3 of article 127 Criminal Procedure

Code of the Russian Federation, articles 57 and 59 of the criminal code of Russian Federation and the Decree of the Russian President of December 7, 1998 about his amnesty, December 21, 2004 № 466-O] // Vestnik KS RF. 2005. № 3.

5. Opredeleye KS RF po zhalobe grazhdanki Kiryukhinoj Iriny Petrovny na narusheniye yeyo konstitutsionnykh prav chast'yu 6 stat'i 82 UIK RF i punktom 6 stat'i 14 Zakona RF «Ob uchrezhdeniyakh i organakh, ispolnyayushchikh ugolovnye nakazaniya v vide lisheniya svobody» ot 6 marta 2008 g. № 428-O-P [Definition of Constitutional Court of the Russian Federation according to the complaint of the citizen Kiryukhina Irina Petrovna to violation of her constitutional rights by part 6 of article 82 Criminal Procedure Code of the Russian Federation and point 6 of article 14 of the Act of the Russian Federation «About the institutions and bodies executing criminal penalties in the form of imprisonment», March 6, 2008. № 428-O-P] // Vestnik KS RF. 2008. № 5.

* * *

ROLE OF DECISIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN REGULATION OF CRIMINAL AND EXECUTIVE RELATIONS

DEMIDOVA OKSANA VASILYEVNA

Voronezh Institute of Federal Penitentiary Service of Russia,
Voronezh, the Russian Federation, e-mail: oks-dem.78@mail.ru

The scientific article consists studying of value of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in regulation of the criminal and executive relations. The author formulated the signs allowing to carry them to normative legal acts. The directions of systematization of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation on execution of criminal penalties reveal. The author proves the statement that judicial acts of bodies of the constitutional control have essential impact on development of system of sources of the criminal and executive right of Russia. By results of research the author comes to the following conclusions reflected in work: first, characteristic of a modern evolution of system of sources of the criminal and executive right is an institutionalization of debatable sources; secondly, the integration processes caused by globalization lead to rapprochement of legal systems that, eventually, leads to change of a circle of sources of the right and their value in Anglo-Saxon and Romano-German legal families, and also to change a place and role of judicial authorities in law-making process; thirdly, influence of globalization on activity of the courts connects with inclusion of judicial authorities in law-making process in the countries of the Romano-German legal family; fourthly, expansion of contacts with penal systems of the foreign states, the international non-governmental organizations, research, educational and scientific centers of the United Nations, the Council of Europe, the European Union, the State Parties of the Commonwealth of Independent States and foreign countries assumes reconsideration of the approaches to understanding of system of sources of the criminal and executive right of Russia developed earlier.

Key words: sources of the criminal and executive right, legal positions of the Constitutional Court of Russia, criminal and executive relations, form of right.